

Артур Пилтакян

ПРАДЕДУШКИНЫ РАССКАЗЫ

МОСКВА

2017

Дорогому моему правнуку Платону

ВАСЬКА

Весна была, как я считал, самой хорошей порой года, потому, что всё меньше дней оставалось до школьных каникул, которых ждали и я и друзья одноклассники, да наверно и все в школе, где я учился в седьмом классе. Можно сказать, что к каникулам готовились и мои родители. Папа с мамой начинали заранее думать, где нам было бы лучше всего их провести. На этот раз решили пожить на берегу Черного моря, в небольшом ещё городке Анапа. В те давние времена в нашей стране не было, так привычных сегодня, путешествий на самолетах, доставляющих пассажиров за несколько часов полёта в любое место не только в нашей стране, но и за границей, а в Анапу можно было бы долететь за пол часа. Нам же понадобилось три дня, чтоб добраться до этого пункта! Из Еревана, где

мы тогда жили , пришлось сначала на одном поезде доехать до Тбилиси, там пересесть на другой, который и довёз нас до морского порта, города Батуми. Здесь путешествие по земле заканчивалось и должно было продолжаться уже по морю. Никогда, конечно, я его не видел и с восторгом смотрел на эту водную гладь, чуть ли не сливающуюся у горизонта с небом! Папа, почувствовав мое состояние с улыбкой спросил: - «Ну, ты доволен, что увидел Чёрное море? - потом показал на огромный, как мне показалось, пароход – вот на нём мы и поплывём в Анапу». Палуба корабля находилась на высоте многоэтажного дома. Пассажиры, и мы в том числе, должны были подниматься на неё по спущенной сверху, неустойчивой под ногами канатной лестнице, называемой трапом. Было бы очень трудно передвигаться по ней если б не помощь, стоявших для этого по всей длине лестницы матросов. К тому же море было беспокойным: огромные волны то и дело

ударялись о борт корабля и когда, наконец, мы оказались на палубе, чтоб пройти по ней приходилось крепко держаться друг за друга. «Будет шторм (буря на море), его лучше переждать в каюте» - сказал нам, встречавший пассажиров дежурный матрос. Довольно долго пришлось ждать отплытия, наконец, пароход, качаясь на волнах, стал медленно отходить от пристани. Было три часа дня, папа узнал, что нам придётся провести ночь на корабле, а в Анапе будем к обеду следующего дня. Насчёт шторма как-то не верилось, светило солнце, безоблачное небо.. «Не может быть, чтоб моряк ошибся» - с сомнением сказал папа, маме тоже так казалось. И хотя мы уже устроились в каюте, я уговорил их, несмотря на качку выйти на палубу. С трудом держась на ногах, крепко обняв друг друга, мы добрались до поручней, ухватились за них и так, обнявшись, долго простояли, смотря на волнующееся море. «Сейчас ты вполне можешь почувствовать себя настоящим капитаном корабля» - сказал

папа. – «Но всё же лучше заниматься делом на земле, не ускользающей из под ног» - высказалась мама. Я заметил, что на палубе было много людей, подобно нам, державшихся за поручни. Все, время от времени почему-то судорожно перегибались через них, словно что-то высматривая в воде. Мама, увидев куда я смотрю, скрывая смех, пояснила что они страдают от морской болезни, короче говоря у них при качке начинается рвота. Она внимательно посмотрела на меня, и удовлетворённо и даже, мне показалось, с гордостью сказала: - «С нашей семьей этого не случилось!». Время шло, почувствовалось как усилился ветер, брызги от волн, долетая до палубы, обдавали нас всё больше но мы не собирались её покидать. У отца был озабоченный вид: - «Смотрите – показал он в правую часть горизонта – пожалуй моряк был прав, может все же лучше спуститься в каюту..». Тёмные, почти чёрные тучи, быстро заволакивали небо, приближаясь к нам. Усиливавшийся

ветер, с невероятной силой неся по палубе, сметая по пути не закреплённые предметы! Люди пытавшиеся уйти вниз, падали и чуть ли не ползком добирались до лестницы. Наше положение оказалось хуже! Может быть без меня папа с мамой смогли бы как-то уйти и спрятаться в каюте, но со мной, ещё не совсем взрослым, крепко стоящим на ногах человеком, оставалось одно: стоять на месте прижавшись друг к другу и из-за всех сил держатся за поручни! Стало темно, яростно свистящий ветер, заглушавший все звуки, казалось, достиг своего наибольшего значения. Склонив головы друг к другу, мы смотрели на происходящее. Неожиданно из бурлящей поверхности моря медленно стал подниматься бешено вращающийся водяной столб. В мгновение он сомкнулся с низко опустившейся тучей и стремительно помчался к берегу. Гигантская масса воды обрушилась на какие-то стоявшие там мелкие строения, разрушила их и понесла оставшееся за собой в море. И, словно

разрядив свою бешенную энергию, оно стало успокаиваться, тучи ушли дальше, ветер стих, но сильная качка продолжалась. Мы, всё ещё крепко держась за поручни, медленно приходя в себя, переглядывались и наконец, смогли говорить, не сильно повышая голос. «Ни я, ни мама и уж тем более ни ты – сказал папа - ничего подобного не видели – это был самый настоящий смерч. И мы героически его выдержали, как ты считаешь?» - обратился он к маме. «Конечно же было страшно – выравнивая дыхание ответила мама, и спросила меня – ты теперь понимаешь почему я сказала, что лучше заниматься делом на земле, чувствуя всегда её под ногами». Однако, если б она тогда задала мне вопрос, кем бы хотел стать, когда вырасту, я сразу бы сказал: «Капитаном парохода!». Потому что, шторм не испугал его, не застал врасплох, он твёрдо управлял кораблем, выдерживая заданный курс. На следующее утро, ни что не напоминало о прошедшем шторме. Море словно

успокоилось, хотя не большая качка чувствовалась, но снова засияло солнце и, сопровождая нас, один за другим выпрыгивали из воды, словно веселясь, дельфины. Узкой полоской вдалеке показался берег, за ним зелёные горы. Вскоре мы увидели Анапу. Наш корабль постепенно замедляя ход, остановился. Я спросил папу почему мы не подплываем ближе, но он объяснил, что такие огромные пароходы, как наш, не могут это делать из-за небольшой глубины моря в здешних местах. Пассажиров до берега, около километра, перевозят на катерах, подплывающих к кораблю, сообщаящему о прибытии. В это время зазвучал громкий, как бы плывущий над водой, продолжительный и очень мелодичный гудок корабельной сирены. От берега отделился катер и поплыл в нашу сторону. Пассажиров доставили на берег, где как оказалось нас уже ждали. На площади перед морским вокзалом, как на каком-то параде, стояли в ряд молодые и постарше

женщины. У каждой в руках были словно небольшие плакаты, листки с объявлениями типа «сдам комнату», или «сдам площадь» и даже «сдам угол». Так местные жители предлагали приехавшим жильё. Мы прошли вдоль «строя», читая написанное и остановились перед немолодой женщиной, сдающей квартиру, с пояснением, что жить у неё можно, «не тратя время на стряпню». Папа поинтересовался, как понимать последние слова. – «А очень просто ..» и женщина рассказала, что ее дом стоит вплотную у забора санатория где, договорившись, можно будет пользоваться столовой, брать обеды на дом или питаться там. - «А для чая на кухне имеется электрический чайник и плитка для небольшого подогрева пищи». Папа, подумав сказал – «По моему этот вариант подходит, питание от столовой санатория и тебе не придётся тратить время, готовить на керосинке, как ты считаешь?». Мама согласилась, что лучшего предложения не

найти. Женщина, Клавдия Петровна, повела нас к себе. Квартира находилась на втором этаже с балконом, нависавшем над кирпичным забором санатория: - «Вот здесь – она показала на балкон - можно разложить раскладушку и мальчик (то есть я!) будет спать на свежем воздухе!». Согласие было достигнуто. Но к огромному моему, да и мамину сожалению, папе надо было вернуться обратно, чтоб не пропустить какое-то важное мероприятие на работе. Пароход, на котором мы прибыли, и на котором должен был уплыть папа, стоял на рейде, там же где нас сгрузили и по расписанию должен был вскоре отплыть обратно в Батуми. Катер для перевозки пассажиров уже заполняли люди. Проводив отца мы в несколько подавленном состоянии вернулись в свой новый дом. Пока мама как-то обустроивалась в квартире я разложил на балконе упомянутую хозяйкой раскладушку, постельное белье, немного помог маме и потом мы с ней вышли прогуляться к морю.

Берег от «нашего» дома находился не далеко. Пройдя минут 15 мы дошли до самой кромки воды. Было жаль, что папа не смог остаться с нами. Здесь находился пляж, заполненный людьми. Матери, бабушки, следили за детишками, барахтающимися в воде около берега, старшие плавали подальше. Мы медленно ходили по сыпучему песку, с удовольствием дыша не привычными запахами моря. Вернулись домой когда стемнело. Поужинали и легли спать пораньше, все же сказывалась некоторая усталость после путешествия совершенного нами. Лёжа на балконе, я видел над собою густо усыпанное звёздами небо. Время от времени какая-нибудь звезда срывалась с места и, прочертив светящуюся линию, исчезала. Из далека доносились звуки музыки, где-то играл духовой оркестр. Засыпая я слышал какие-то вздохи, доносившиеся до меня с улицы. Утром я вспомнил о них и решил узнать, что бы это могло быть. После завтрака мама собралась

сходить в санаторий договориться на счет питания. Я рассказал ей о «подозрительных» вздохах, но по её мнению ничего таинственного в этом быть не могло: - «Скорее всего во дворе санатория оставляют на ночь лошадь, которую используют днём, например, привозить продукты или для других дел». Я решил это проверить. Перелез через перила балкона, стал на кирпичный забор и спрыгнул во двор санатория. Мама была права! Здесь под навесом в небольшой конюшне стоял конь. Он повернул голову и посмотрел на меня. Я увидел, что у него один глаз, а вместо второго складки кожи. Пока я разглядывал коня, к конюшне подкатил тележку с ботвой (отрезанными листьями свёклы или моркови) далеко не молодой человек, должно быть работник санатория. С весёлым удивлением он произнёс: - «Мальчик – (мог бы сказать «юноша», подумалось мне) – извини, откуда ты взялся?». Я показал на балкон. «Так, так значит, с неба свалился, ну будем знакомы, я

тут конюх, меня называют Захарыч, а как тебя?». Я ответил и спросил можно ли мне приходить к лошади. «Конечно, и моему Ваське – при этом конь посмотрел на нас – будет не скучно, да только тебе не обязательно прыгать сверху, проходи через ворота» - он показал откуда. Я узнал, как зовут коня, хотя вряд ли это было подходящее для лошади имя. Потом Захарыч вынул из кармана замусоленную конфету, надкусил её желтыми, возможно, от курева зубами и дал половинку мне. Превозмогая брезгливость, я, ради знакомства, сказав «спасибо», отправил её в рот. Что стало с глазом у коня, он не знал: - «Это было до меня. Если хочешь покорми Ваську из рук – это ему больше нравится». Потом он добавил, что конь «не шибко» загружен: - «По вторникам я его запрягаю, мы ездим по этим дням за молоком, раза два в неделю купаемся в море. Вот и все. А я ведь не только конюх, у меня работы по электричеству, на кухне, словом дела хватает. Ты занимайся

Васькой, а я пойду» - он потряс мою руку и ушел. Я подкатил тележку поближе, взял немного ботвы на ладонь и поднёс коню. Васька очень осторожно, можно сказать бережно, подобрал её губами, прожевал, посмотрел на меня. Я с удовольствием стал его кормить, увеличивая порцию и делал бы это долго, если б во двор не вошла мама. Улыбаясь, она сказала: - « Видишь, я была права» - подошла к Ваське, погладила его и испуганно проговорила: - «Что это у него с глазом?». Уж если Захарыч не знал.. Надо сказать, лошади были страстью мамы. У нас дома была, посвященная им книга с цветными фотографиями грациозных коней разных пород. Конечно, «нашему» скромному Ваське было далеко до них, но уже с первого раза я почувствовал, что по своим «душевным» качествам он вряд - ли хуже тех «аристократических» скакунов. С этого дня у меня установился такой распорядок: подъем, завтрак, первое свидание с Васькой, пляж - море, обед,

остальное время до вечера опять с Васькой. Его, когда кончался «лошадиный рабочий день», Захарыч отводил на луг не далеко от санатория и стреножив, то есть связав передние ноги, оставлял там, а к ночи приводил в конюшню. Я часто проводил это время с Васькой. А однажды спросил Захарыча зачем лошади связывать ноги. Он объяснил, чтоб не искать его, если Васька из любопытства решит пойти куда ни будь погулять. Мама хотя и была рада нашей дружбе с конем, однако, возмущалась моим распорядком: - «Но нельзя всё время проводить у лошади, надо же подробнее посмотреть город, его парки с выступающими там артистами, может быть кино, да мало ли чего ещё..». Поэтому мне часто приходилось «скрепя сердце», оставлять Ваську, чтоб куда ,ни будь пойти с мамой. Это не помешало мне несколько раз съездить с ним, понятно, и с Захарычем за молоком для санатория. Часа полтора, пока загружали телегу бидонами, я стоял около Васьки, гладил его,

приводил в порядок растрепавшуюся гриву и, пусть это не покажется смешным, разговаривал с ним. По моему он слушал меня с интересом, это было видно по тому как он внимательно поглядывал на меня! Но особое удовольствие получали мы с ним и Захрычем, когда в самое жаркое время отправлялись купаться. Ваську не надо было упрашивать идти в воду. Он опережал нас! Выбрав место, где меньше отдыхающих у моря, сбросив одежду, мы спешили за ним и отходили как можно дальше от берега. И всё равно, здесь было мелко. Захарыч брал с собой своеобразную деревянную щётку, отдавал её мне, сам уплывал подальше. С превеликим удовольствием я мыл Ваську, пользуясь ею. Дорогой мой конь, стоял не двигаясь и закрыв единственный глаз. Я не сомневался, что он тоже блаженствует! Но лето кончалось и вскоре нам пришлось попрощаться и с Васькой и с Захрычем! Можно представить, как это было грустно! Через год, мы снова смогли на каникулы

приехать в Анапу. Папа заранее подобрал для нас с мамой жильё. То, около санатория, оказалось занято, поэтому он выбрал, далеко от старого места, на другом конце городка, уютный небольшой домик, хозяин которого на лето куда-то уезжая, оставил его целиком в нашем распоряжении. Мы оказались в 67 шагах (я измерил) от берега. Что привлекало – он был в малолюдном месте. Я, уже восьмиклассник, как-то редко вспоминал санаторного коня, у меня появились другие интересы. Хотелось заняться подводным плавнем. Опять папе, к нашему огорчению, из-за работы пришлось нас оставить. Мы с мамой почти все время стали проводить на берегу, у неё нашлись ереванские знакомые. А я под водой обшаривал дно, в поисках какой-нибудь экзотической раковины. Однажды, раскладывая во дворе на доске свои трофеи я услышал донесшееся с улицы около дома лошадиное ржание. У раскрытых ворот остановилась телега и повернув голову с одним глазом звал меня Васька! Я кинулся к

нему, обнял его за шею, прижался к ней, целуя и чуть не плача. Потом побежал за мамой, даже испугал её. Она месила тесто и когда узнала, что у ворот Васька, оттирая полотенцем руки, поспешила за мной. Но телеги с лошадью уже не было.. Потом мне пришло в голову, что и Захарыча я не видел. В конце дня, когда готовился ужин, вдруг снова слышалось призывное ржание! Выбежав из дома я увидел Ваську, одного, без телеги со связанными передними ногами! Надо ли говорить, что мы с ним оба были рады снова встретиться! Прежде всего я освободил Васькины ноги, развязав веревку. Снова и снова лаская его, я позвал маму. Конечно, наши чувства поделила и она! Долго мы стояли около Васьки, поглаживая его, потом стали думать, что с ним делать. Будь это собака мы могли бы привести её к себе в дом, а с Васькой? Но всё решилось само собой. К нам, улыбаясь и смеясь шел молодой человек. Весело поздоровавшись, он представился: - « Меня

зовут Арамаис – услышав знакомый голос, повернул к нему голову Васька – я сразу понял где его найти. Когда утром проезжал по вашей улице, и конь сам остановился и позвал вашего, не знаю..- мама подсказала – да, вашего сына, я догадался куда он мог пойти. Но стреноженный! Такого преданного друга не только нельзя ругать, но наверно и ни где не найдёшь!». Он погладил Ваську и поинтересовался где мы «познакомились». Я рассказал, как всё было и спросил про Захарыча. Арамаис с уважением отозвался о нём: - «Это теперь большой спец по электричеству не только в санатории, его вызывают из соседних домов, если что». Я попросил передать ему привет от нас с мамой. Потом Арамаис, деликатно извинившись, сказал что им с Васькой надо уходить. Не хотелось расставиться с конем. Опять взгрустнулось. Я попросил у мамы разрешения: - «Можно я пойду с Васькой, доведу его до конюшни и вернусь». Мои слова напугали её – «Но это же далеко от нас,

незнакомые места, очень просто можно заблудиться, как ты найдёшь дорогу домой, нет, нет..». Ей не дал договорить Арамаис: - «Я приведу его, не беспокойтесь, – потом добавил - такого друга у Васьки никогда не было, пусть они хоть немного побудут вместе». Мама нерешительно посмотрела на Арамаиса, тот еще раз подтвердил, что доведёт меня до дому. Это её успокоило, мама подошла к нам попрощаться с Васькой – «Подождите - она ушла, через минуту вернулась и, улыбаясь, протянула Арамаису свою любимую щётку для волос с металлическими штырьками – обещаю вам с Васькой, что каждый раз после купания будешь его расчёсывать!». Арамаис, немного сконфузившись, взял щетку, и сказал, что с удовольствием будет делать это и коню, конечно, очень понравится. Мы медленно пошли по улице. Я шел рядом с Васькой, обняв его за шею и прижимаясь к ней щекой.... Арамаис, весёлый и довольный тем, что сразу догадался где найти Ваську, идя за

нами что-то громко распевал. На нас смотрели, улыбаясь, прохожие, но я думал только об одном: если бы это мог видеть папа!

ДИНКА

Это была уличная собака. Не знаю кто дал ей такое имя, но она, я видел, всегда отзывалась на него. Неизвестно, где ей приходилось проводить ночь, однако каждый день с утра Динка появлялась около нашего дома. Она была вся в движении: бегала, временами каталась на спине по траве на газонах, играла с детишками, не сопротивлялась когда кто-то из них тянул за хвост или пытался взять её на руки, хотя она и не была маленькой собачкой. Но яростно лаяла на идущих мимо взрослых прохожих. Объяснить эту неприязнь можно было одним: наверно когда-то она сильно пострадала от человека. А такое на долго остаётся в памяти. Мне удалось подружиться с ней случайно. Как-то я, возвращаясь с

работы, остановился около магазина купить сосиски. Был жаркий день, а мне нужно было ещё заехать кое-куда. Видимо и так не очень свежий продукт в душном автомобиле стал портиться. Подъезжая к дому, почувствовав неприятный запах, я хотел выбросить купленное но, увидев Динку, решил угостить её, подозвал и показал ей сосиску. Она подозрительно посмотрела на меня, потом на то что было у меня в руке и не решительно подошла ближе. Конечно, запах её соблазнил, она мигом схватила сосиску и почти не разжевывая проглотив, с ожиданием посмотрела на меня. Со второй сосиской произошло то же самое. Оставшиеся я показал ей и подложил под лестницу у нашего подъезда. Так мы с Динкой стали друзьями. После этого, когда я выходил из дома, она подбегала ко мне, весело виляя хвостом, а я в ответ её ласково поглаживал. Если со мной были дочери Карина и Нелли то Динка понимала, что это мои дети и с той же радостью прыгала около них, предлагая

поиграть. Но всё равно она по прежнему яростно лаяла на посторонних. Видя, какие у нас с ней дружеские отношения, какая-то не добрая старуха сказала мне: - «Отвезли бы вы её подальше за город и выбросили б там». Я чуть не ответил, что это с удовольствием проделал бы с ней. Мы жили на втором этаже и однажды привели Динку к себе домой. Быстро оглядев комнату и увидев диван, она вспрыгнула на него, свернулась «калачиком» и как ни в чём не бывало уставилась на нас. Конечно, не совсем чистую собачку пришлось осторожно спустить на пол. Это не огорчило её, она с хозяйским видом прошлась по квартире, словно знакомясь с местом где будет жить. Из этого мы заключили, что Динка когда-то была ухоженной, возможно даже любимой собачкой и жила в доме у своих хозяев. А как она оказалась на улице не кому было рассказать и это осталось на всегда тайной. Мы подкармливали Динку, оставляя под лестнице на тарелке еду. Каждый день, когда мои дочери шли в школу,

она их провожала, а проводив возвращалась обратно. Иногда мы отправлялись в находящийся недалеко парк. Динка догоняла нас и уже вчетвером мы не спеша прогуливались по его алеем, но наша четвероногая подружка не упускала случая облаять прохожего. Из-за этого один раз произошел даже, можно сказать, забавный случай. Пожилая пара, муж и жена пожаловались на нас, следившим за порядком милиционеру. Тот, поправив фуражку, поспешил к нам, однако не подошел близко, опасаясь яростно залаявшей на него Динки. Приняв строгий вид он сказал: - «В парке выгул собак без намордника запрещён. Так что или наденьте его на нее или будете оштрафованы!». Стараясь быть серьезным я ответил, что у бродячих собак не принято ходить с намордником. Представитель закона немножко подумал, потом решил: -«Если это не ваша собака, я вызову охранников..». Но мы не стали усложнять положение и

повернули домой, погулять не пришлось. С тех пор нам редко удавалось бывать в парке. Однажды, смотря в окно, я увидел, как два крупных кобеля, злобно глядя и скаля зубы, приближались друг к другу, с явным намерением померяться силой. Это было невероятно: Динка, умница, чтоб такого не допустить быстро оказалась между ними, словно говоря: - «Ребята, только не вздумайте!». Кобели ушли в разные стороны! Несколько таких же домов как наш стояли один за другим вдоль не широкой проезжей части дороги, заканчивающейся тупиком и площадкой для разворота автомобилей. Каждый раз, возвращаясь с работы, я сначала проезжал мимо своего подъезда, а потом, развернувшись подъезжал к дому и останавливался перед подъездом, где всегда ставил машину. Так же выбирали стоянку для своих автомобилей другие владельцы - в те времена было не столь много машин, как сейчас и каждый мог выбрать место для парковки где угодно. Динка узнавала мой

автомобиль, бежала за ним, а когда я разворачиваясь, притормаживал и открывал дверь, вскакивала на сиденье. То, как уверенно занимала она переднее кресло, наводило на мысль о том, что когда-то она жила в доме с хозяевами, имевшими машину, и возможно, путешествовала с ними. Однажды, занятые своими делами дома, мы услышали, какой-то звук, словно кто-то скребётся у двери. Оказалось, что к нам пришла в гости Динка! Будь это человек, его можно было бы упрекнуть в бесцеремонности, но собачку! Конечно, мы с радостью пустили ее в квартиру, как желанного гостя. Потом выяснилось, что соседи по подъезду, зная о нашей дружбе с ней, и видя, как она чего-то ждёт у подъезда, открывали дверь и Динка, словно хозяйка, идущая домой, уверенно подымалась на второй этаж. Это было забавно в первый раз, но когда такие посещения стали уж слишком частыми, нам пришлось просить соседей по возможности не пускать её в дом, а мы

предпочли общение с ней на улице. В один из дней Динка исчезла. Прошла неделя, она так и не появлялась. Каждый любитель животных и особенно собак, понял бы наше беспокойство. Что могло с ней случиться? Карина и Нелли искали её по разным закоулкам около наших домов, но, как говорится, поиски не дали результатов. Пошла вторая неделя. Как-то я вышел на улицу встретить возвращавшихся из школы дочек. Мы уже подходили к дому когда увидели Динку! Она неслась нам на встречу, бешено виляя хвостом. Наша радость была не меньше! Мы увидели в чём была причина столь долгого её отсутствия: набухшие соски - у Динки появились «дети»! Где могли быть щенята (или щенок) стало известно позже. А пока, попрыгав короткое время около нас, она, словно извиняясь, что не может быть дольше, с той же скоростью умчалась. С пол месяца мы не видели Динку. А потом, в один из дней, неожиданно для нас, мы услышали громкий, настойчивый собачий лай около

наших дверей. Голос Динки был нам хорошо знаком, но удивляло то, что она, будучи от природы деликатной, никогда не позволяла себе такого в подъезде, и, навещая нас, молча скребла дверь. Я вышел к ней. Не заходя в квартиру, она посмотрела на меня и повернула голову, как бы зовя за собой. С дочками, заинтригованные и не раздумывая, мы пошли за ней. Не далеко от наших домов была площадка, на которой возводили здание школы. Динка, явно торопясь, вела нас туда. Около большой горы строительного мусора, где были свалены не годные бетонные панели, она остановилась у одной из них и заскулила. Стало ясно, что за ней находятся те, кто её ждёт. Понятно, у выбрасывающих не нужные вещи не было злого умысла. Поднять тяжелую панель нам было не под силу. Карина и Нелли, торопясь, смогли уговорить нескольких прохожих мужчин помочь Динке. С их помощью удалось сдвинуть в сторону злосчастную панель. В образовавшийся проём тот час

юркнула Динка и мы услышали радостное повизгивание! Дней десять спустя она появилась на улице с тремя очаровательными щенками! Динка, видимо, посчитала, что вырастила их как полагается и о дальнейшей судьбе щенят ни как не беспокоилась. Не удивительно, что любители животных быстро их расхватали. Динка по прежнему, когда я возвращался домой, пыталась проникнуть со мной в квартиру. Я, да и Нелли с Кариной, старались куда-то ее «пристроить», найти ей доброго хозяина. Как-то случайно мы встретились с моим бывшим сослуживцем Львом Неймарком. Вспомнили годы, которые проводили вместе, старых знакомых. Когда я спросил, как у него домашние дела, он вздохнул и сказал, что год назад похоронил жену. Я посочувствовал ему. Было грустно об этом слышать, тем более, что мне часто приходилось по работе общаться с ней. «А недавно - добавил он – не стало и другого, дорогого для меня друга

Веды». И рассказал, что это была собака прожившая с ним 15 лет. – «Прямо скажу, тоскливо стало в квартире». Я осторожно поинтересовался не собирается ли он заводить новую. Лев с сомнением покачал головой. Тут я решил использовать подвернувшийся шанс и с подъёмом стал рассказывать про Динку, приврав, что хозяева её бросили и она, как мы поняли, тоскует по дому, так что даже когда мы однажды привели её к себе, потом не сразу могли вывести на улицу. Я почувствовал, что Лев заинтересовался. Ему захотелось посмотреть на Динку! По моему, он даже загорелся! Был срочно придуман грандиозный сценарий: на моем автомобиле мы с ним, сидящим сзади, подъезжаем к дому. Как всегда я разворачиваюсь и открываю дверь для Динки. Она забирается в машину, тут же Лев протягивает ей одну сосиску (остальные потом), после первого знакомства выходим погулять с Динкой около нашего дома, затем, взяв её собой,

едем ко Льву, заходим с ней в его квартиру, проводим там вместе какое-то время и я незаметно исчезаю. О реакции Динки на такое «предательство» Лев сообщает мне по телефону. Понятно, для осуществления нашего плана нужно было, чтоб Динка оказалась на улице. Всё удачно получилось, как мы и задумали! Только вместо сосисок Лев решил купить «более вкусный» сервелад в нарезке. Мы - я, Нелли и Карина - с нетерпением ждали звонка от Льва, полагая, что решается судьба уже далеко не безразличной нам собачки. Наконец, вечером я услышал восторженный голос Льва: - «Ты не представляешь, что произошло! Динка – я заменю это дурацкое имя и приучу к другому, буду называть Веда, как и старую мою любимицу – так вот, она, словно почувствовала, что это её дом, всё осмотрела, если хочешь, обнюхала. Потом устроилась на диване и пока я поглаживал её, заснула! Я приготовил ей на тарелке еду. Когда она проснулась и сытно поела,

попробовал надеть на нее ошейник. Она позволила это сделать только после того, как внимательно его обнюхала. Больше того, я закрепил поводок и мы с ней вышли погулять. Видел бы ты как важно шла она со мной рядом! Вернулись к вечеру и получилось так, что не я а она вела меня домой!». Пересказывая всё это дочкам, я спросил Льва не проявляла ли она какого-нибудь беспокойства, не видя меня. На это Лев ответил: - «Ты не обижайся, но она равнодушно восприняла твое исчезновение». Что ж, зато мы поняли, что Динка нашла свой дом. И это нас вполне устраивало.

ГУСЕНИЦЫ

Как всегда, с началом школьных каникул, папа с мамой, ну конечно, и я, решали где было бы лучше всего провести лето. Обычно родители снимали «дачу» на берегу Чёрного моря в Анапе, о чём я уже рассказывал. Но в этом году они придумали другое. Мы жили

теперь в городе Тбилиси окруженном не высокими, зелёными летом, горами. Крестьяне из окрестных деревень по воскресеньям спешили на рынок со своими «дарами природы». К нам, верхом на ослике, которого трудно было разглядеть из-за навьюченного на него груза, спускался с гор не высокий, толстый, хотя и молодой парень, через день привозивший яблоки, груши, крупные сливы и в крынках коричневого цвета, похожих на стеклянные банки для варенья, но изготовленных из обожжённой глины, заквашенное молоко, называемое в Грузии «мацони», а в Армении – «мацун». Парня звали Арчил, это был приветливый и жизнерадостный человек. Его, не столь весёлый, безропотный ослик вёз кроме своего хозяина и две, перекинутые через спину, висящие справа и слева, огромные сплетённые из тонких веток корзины, наполненный до краёв продуктами для продажи. Когда я спросил, не тяжело ли небольшому ослику тащить на себе такой

груз, Арчил весло рассмеялся и сказал, что тот может везти ещё больше. Папа, стоявший рядом, поинтересовался, спокойно ли он позволяет так бесцеремонно нагружать себя: - « Я, будь на его месте, не допустил бы такого». Арчил ответил, что своё, всем известное, «ослиное упрямство» он показывает каждую неделю и только в один день, как будто выбирает его, чаще всего, как назло, в воскресенье. – «Самое время везти в город продуцю (имелось ввиду продукцию), шайтан ..». – «Это его имя?» – спросил отец. – «Да нет, я его зову Апул, а сейчас просто вспомнил сколько возни было с ним, но заставляя его «работать» в этот проклятый день у меня не получалось. Я и толкал его, чтоб сдвинуть с места, и вожжами угощал, даже сам уставал и всё зря. Пошел к его старому хозяину Ванику, другу из соседней деревни, который когда-то мне его продал, а он стал смеяться. Спрашиваю, что происходит с шайтаном, например, по воскресеньям, когда все загрузив ослов,

отправляются на рынок, а этого не могу заставить тронуться с места. Отвечает мне, что такой у ишака характер, а сам смеётся. – «Что тут смешного?» - спрашиваю. А он - это еще называется друг! - объясняет, что шайтан, можно сказать, всю жизнь проработал в магазине. – «Причём тут это?». А у них воскресенье выходной день, ослик, мол понимает, что раз в неделю должен отдыхать! После такого объяснения, говорю Ванику: - «Возьми тогда его обратно и верни деньги». Но он отвечает: - «Я и так продал его тебе слишком дёшево, да и никто его с причудами у меня не возьмёт даже бесплатно, все уже знают, что это за осёл, как он устанавливает свой порядок». Ругнул я этого Ваника.. что тут скажешь..». – Мы с папой, недоверчиво смотрели на Арчила. Папа спросил: – «Если это правда, что ты рассказал, то как он отсчитывает дни недели?» - Арчил развёл руки: - «Надо его и спросить, я – то не знаю» - и неожиданно ласково погладил ослика, стоящего с

задумчивым видом и не обратившего на это внимания. Папа посмотрел на меня, потом стал расспрашивать Арчила, о деревне где он живёт. Тот рассказал, что там всего 6 домов, мало жителей, все мужчины стараются подольше побыть в городе, и даже устроиться там, если удастся. Только он и Апул остаются в деревне. С коровами, козами, домашней птицей возятся местные женщины... - «Очень красивое место, почти в лесу..». Отец оживился: - «Вот это-то нам и надо!» и попросил Арчила поспрашивать соседей, не сдаст ли кто-нибудь подходящее жильё на лето семье из трёх человек, то есть нам. Арчил, словно обрадовавшись всплеснул руками: - «Какой там спрашивать! Мой тётя живёт одна в своем доме, я её уговорю перейти к нам, к своей сестре, а вы там будете жить хоть до зимы!». Потом он сказал, что добраться до деревни можно за час, полтора. Это верхом на лошади или на осле, а по другому, например, на грузовике трудно и ехать дальше по «очень плохой

дорога». Легковая машина там не пройдет. Когда пришло время, чтоб добраться туда нам пришлось взять грузовик. Деревушка, если так можно назвать несколько, отстоявших друг от друга бревенчатых избушек, огороженных заборами, ютилась в густом лесу. Арчил встретил нас и повёл к своей тёте, которая заранее предупрежденная, готовилась встретить «новых» жильцов. Ее, приветливую и улыбчивую женщину, звали Марго, и хотя она годилась мне в бабушки, но попросила так её и называть, без отчества просто тётя Марго. В домике, предоставленном нам, было две не большие комнаты, такая же кухня и просторная терраса, опоясывающая дом. За ним чуть в стороне находился хлев. Мы прекрасно устроились на новом месте. Папа поблагодарил за это Арчила, а мама подарила «тёте Марго», приготовленную для такого случая цветастую скатерть и махровое полотенце. Арчил, подобно экскурсоводу, провёл нас по деревне, представляя местным

жителям, которых оказалось на редкость мало! С нами пошли две любопытные и вполне миролюбивые собаки, с которыми я позже подружился, а остальные, видимо, сидели на привязи во дворах за заборами и оттуда возмущённо лаяли. Интересно, что когда потом, в обмен на угощение я научил одну из них, по просьбе «дай лапу», протягивать ее мне, вторая, не ожидая моих слов, тоже стала делать это в ожидании подачи! И были они всего-навсего деревенские дворняжки! Продолжу. Арчил, не скрывая возмущения снова рассказывал, что все мужчины с женами, детьми стараются остаться в городе, а их немолодым родителям, остающимся в деревне, приходится ухаживать за коровами и за всем.. «Я только и живу здесь, чтоб помогать старым женщинам! – вздохнул он и, помолчав, добавил – правда, к тете Сафо часто приезжает из города племянник Геворк на своем драндулете». Однако, надо сказать, что за время нашего пребывания Арчила мы

видели в деревне всего два раза! Потом, ближе познакомившись с «старушками», стало понятно, что положение в котором они находятся вполне их устраивает, во всяком случае летом. Они, ни в чем, что касается питания, не нуждались, ведя натуральное хозяйство. Всё было своё. И помогал им вовсе не Арчил, а регулярно приезжавший сюда, упомянутый Геворк. Кстати, с ним познакомились и мы. От него узнали, что сюда можно добраться и по другой вполне приличной дороге, правда ехать дольше. Часто его услугами пользовался папа, если было нужно побывать в городе. Это место где, мы собирались провести лето, было удивительно тихим, хотя и находилось не далеко от шумного города. Такое как раз и устраивало моих родителей, но мне подумалось, что жить здесь будет скучно, однако, как всегда, папа нашел для меня интересное дело. Он съездил с Геворком в город и привёз оттуда большой ящик с четырьмя стеклянными стенками и дном,

державшимися на металлическом каркасе. В таком любители устраивают аквариум. Папа установил его на столе на террасе. «Уж не собираешься ли ты разводить рыбок?» - спросила пораженная мама. Не меньше была удивлена и тетя Марго, оказавшаяся поблизости. Но я отнесся к этому спокойно, понимая, что у папы появилась какая-то идея. Он не стал объяснять, что затеял, а мне сказал: - «Возьми-ка ведро, пойдём за кормом» - тут уж удивился и я. Не далеко от дома папа остановился около дерева, которое мы называли «тутовым». У нас в школе росло несколько таких деревьев. К концу весны с них, если хорошенько потрясти, падали, а лучше сказать, сыпались на землю не то плоды, не то ягоды, размером 2 – 3 сантиметра, словно уменьшенные копии кисточки винограда. Они были двух сортов: на одних деревьях белые, на других тёмно-красные почти чёрные, одинаково сладкие, приятные на вкус. Их мы называли «тута». Понятно, что школьники быстро «обчищали»

эти деревья, чтоб за них не сделали этого, спешившие полакомиться, не званые представители пернатого сообщества. Папа сказал, что надо нарвать побольше листьев. Я еле удержался, чтоб не спросить зачем, но молча, с его помощью забрался на дерево. Отрывая листочки, опускал их в поднятое ко мне ведро. Когда оно наполнилось, папа посчитал, что достаточно. Я спрыгнул с дерева. «Ты наверно не догадываешься, для чего мы это делаем – он рассмеялся – скоро узнаешь, пошли». Мама и тетя Марго я ждали нас. Папа поднялся на террасу, и в позе факира высыпал наш «урожай» в стоящий на столе аквариум. Потом, опять же как факир, открыл картонную коробку, которую до этого мы не видели, и вытряхнул из неё гусениц! Длинной 3 – 4 сантиметра, они были желто – зеленого цвета и не похожи на обычных, противных с виду червей. Сразу же, как по команде, они принялись «есть» зелёные листочки. Они делали это не останавливаясь всё время, пока мы смотрели, а потом весь

день и возможно даже ночью. Удивительно прожорливые, эти существа – их было 5 штук – съели за день пол ведра «корма»! Наконец, папа рассказал мне, что он затеял и мы с ним стали участниками «эксперимента». Ежедневно подкармливая гусениц, я стал следить за ними и дней десять спустя увидел, что они начинают покрываться паутиной, подобной той, которую плетут пауки. С помощью увеличительного стекла мы смогли увидеть, как эти примитивные создания, действуя вполне разумно и настойчиво, обматывались нитями, вытягиваемыми из паутины!, Прошло немало времени и под этими нитями не стало видно самых гусениц! Они замуровали себя! Вместо каждой мы увидели аккуратное, словно выполненное по чертежам, «сооружение» размером с небольшую сливу, имеющее своё название – кокон. Все пять гусениц одновременно, как по команде, превратились в коконы! Иногда к аквариуму подходила мама, но особого интереса к

нашему делу не проявляла. Папа предложил пока не трогать коконы: - «Подождем, может увидим еще какое-нибудь чудо». Они пролежали, освещенные солнцем, два-три дня. Мы время от времени внимательно их разглядывали. И чудо свершилось! Почти одновременно в «торцевой» части коконов появились сначала черные точки, затем небольшие отверстия. Было видно, как их медленно кто-то или что-то расширяет. Через них почти одновременно выбрались из коконов – не гусеницы, а не большие грязно-серые порхающие не то бабочки, не то мотыльки! Тут же на листочках они оставили какие-то капельки. Позже я узнал, что так просто откладываются яички для рождения из них в будущем нового поколения гусениц! Сделав свое дело бабочки улетели. Всё это происходило на наших глазах. «Да, – сказал папа – чудеса природы, а разве рождение человека – это не чудо?». Наши мысли совпали. А эксперимент свой мы завершили следующим образом. Коконы, удивительно

твёрдые на ощупь и совершенно пустые (!) были, как сказал папа, катушками с нитками. И мы решили размотать их. У мамы попросили самую длинную иголку, в пламени свечи нагрели её острый конец до красна и загнули на подобие буквы «С». Этой «вязальной спицей», провозившись и помучавшись не один день, мы смогли «размотать» все пять коконов! У нас получился солидный клубок из тончайших и вместе с тем удивительно прочных нитей. Из них тетя Марго связала маме на память косынку. Изделие получилось тончайшим и легким, как пушинка, а клубок не на много уменьшился. Я не рассказывал о других делах, которыми так же занимался всё это время, потому что история с гусеницами, показалась мне самой интересной. Лето заканчивалось. Отвез нас домой Геворк на своём стареньком «Москвиче». Аквариум мы оставили тёте Марго, попросившей его для своих нужд. Потом я узнал, что гусеница, плетущая кокон называется «Тутовый

шелкопряд», а в Индии их разводят на не больших фабриках, из ниток ткют тончайший шелк для одежды, шарфы, платки, вышивают на ткани красочные картины.

ЧИЖИК

Частенько из Москвы я летал в Тбилиси, где жила моя сестра Оля с дочерьми Ирой и Светой и внучкой Элей. Поездки были короткие, не больше десяти дней, дольше не позволяла работа. В один из своих приездов, как только мне открыли дверь, я услышал грубоватый мужской голос: - «Кого там чёрт принёс!». Не столько поразило хамское обращение к гостю, сколько самый факт неожиданного для меня присутствия мужчины в квартире сестры! Мне ничего об этом не говорили! Я не успел спросить у впустившей меня Оли, кто у них находится, как она широко улыбаясь сказала: - «А у нас теперь новый жилец!». Войдя в квартиру и не увидев незнакомца я, удивлённый,

повернулся к сестре и снова услышал, словно из под потолка, то же приветствие: - «Кого там чёрт принёс!». Я уже понял в чём дело: на платяном шкафу, с интересом разглядывая меня, сидел маленький, чуть больше мужской ладони, сине-зелёный попугай! К радости родни по случаю моего приезда, добавилось веселье от удачного розыгрыша. Этого «хулигана» звали Чижик. Имя, на мой взгляд, совсем не удачное для попугая, даже унижительное. Но другого, оказывается, подобрать не смогли. Объяснение было такое: - «Мы посчитали его более подходящим, чем, например, «попка». Потом, когда мы вдоволь наговорились, как это бывает, у давно не встречавшихся людей, Света рассказала мне, как у них появился попугай, как ему позволили свободно летать по квартире, как на ночь он сам забирается в свой дом, клетку и спит там до рассвета, проснувшись не даёт спать другим. «Чтоб мы могли выспаться, приходится накрывать клетку тряпкой, но всё равно проснувшись и

увидев это, он нарочно начинает громко ругаться, иногда свистеть, пока её не уберем». Неожиданно Оля попросила меня при разговоре, не допускать каких-либо «сильных» выражений. Я сначала не понял, что она имела ввиду. Оказалось, что Чижик сразу же запоминает «не хорошие» слова и потом именно их чаще всего, и особенно громко, повторяет. Я в это не поверил. Всё время, пока мы беседовали, вспоминая разные истории, Чижик сидел на одном месте и, как я убедился, следил за мной. Вдруг он громко произнес неприличное, прямо-таки хулиганское слово! Оля прикрикнула на него: - «Сейчас пойдёшь в клетку!». Это подействовало: он повторил то же самое шепотом! Ира посмотрела на Элю: - «Твоё воспитание» - и рассказала что, одноклассники, придя с дочкой из школы, пока не было дома взрослых, не придумали ничего лучше, чем научить Чижика плохим словам, а попугай оказался очень способным учеником! Все дни, пока я был здесь, Чижик

демонстративно не замечал меня, давая понять, что я тут временный гость. Обычно он «сидел» на спинке стула, поглядывая по сторонам и что-то не громко бормоча. И постоянно удивлял своими выходками! Во первых, он знал несколько человеческих языков: ругательные слова произносил на русском, армянском, грузинском и азербайджанском. Имел твёрдое мнение о людях: когда раньше к Оле приходил, по какому ни будь поводу, восьмидесятилетний сосед, Чижик, каждый раз встречал его словами: - «Старый дурак!». Сестра горячо убеждала человека, клялась, что никто попугая не учил этому. Старик верил ей, но все же, если ему бывало что-ни будь нужно, предпочитал говорить с Олей на лестничной площадке. А мне, оказывается, повезло - не подвергся оскорблению. Но всё же перед самым моим отъездом негодник не упустил случая сделать мне не большую пакость. У него были самые дружеские отношения с Элей. То он садился ей на голову, то на плечо,

крутился около неё когда она сидела за столом. Если она пряталась от него, достаточно было спросить: - «Чижик, а где Эля?» - и он всегда её находил. Я захотел сам посмотреть, на что он способен и предложил усложнить поиск. Эля, не очень охотно, но согласилась. Сначала, она немного поговорила с попугаем, сидящем на спинке стула, потом Оля отвлекла его, и Эля, как я просил, быстро спряталась под кровать. Надо было видеть, как он её искал! Летал из одной комнаты в другую, заглядывал за шторы, занавески, осмотрел коридор, висевшую на вешалках одежду и с явно удручённым видом вернулся на спинку стула. Я даже немного пожалел его! И тут, не выдержав, Эля стала выбираться из под кровати. Чижик кинулся к ней, сразу же устроился у нее на плече и стал что-то бормотать ей в ухо! Он по хозяйски устраивался на столе, когда садились обедать. И тут он держался около Эли, заглядывая в тарелку, а она, найдя в супе что-нибудь подходящее, давала ему поесть.

Когда Эля уходила в другую комнату готовить уроки, Чижик летел за ней, устраивался на письменном столе и молча «сидел» пока она не заканчивала свои дела. Особенно забавно было смотреть, как они с Элей играют в футбол. На стол ставились два стакана на не большом расстоянии друг от друга. Это были футбольные ворота, а мячом обработанный кусок пробки. Чижик занимал место у ворот. Эля легким щелчком подталкивала мяч и «вратарь» отбивал его клювом, выкрикивая при этом с интонацией бывалого болельщика «Го-о-ол!». Не было случая, чтоб мяч влетел в ворота! Вдвоём с Элей попугай регулярно смотрел трансляцию по телевизору футбольных матчей.. В весенние дни всё раньше светало и спать на рассвете уже не приходилось. Клетку переставали прикрывать. Чижик находил новое развлечение – садился на головы спящим. Те не возмущались, а начинали ласково с ним разговаривать. Вдруг он сел на голову мне! Я смахнул его, он отлетел, потом подлетел,

прошипел: - «Спать хочешь?» и пребольно дернул меня за ухо! Когда я вернулся в Москву, позвонила Эля и рассказала: - «Через день после твоего отъезда наш попугай вдруг стал тебя искать, летал по квартире и спрашивал: - «Где он, где он?» - с чем тебя и поздравляем!». Можно ли после этого сомневаться, что Чижик, и уж, конечно, не один только он, прекрасно соображающая птица! Широко известный в мире зоолог Даррелл описал случай, когда его гость, не веря что попугай способен разговаривать, как человек, подошел к клетке, где тот тихо сидел и стал, посмеиваясь задавать ему дурацкие вопросы. Попугай терпеливо всё это слушал, а потом громко сказал: - «Поцелуй меня в зад!». Гость обиделся и ушел. Мне Чижик такого не говорил.

БЕЛКА

Мои дочери, Карина и Нелли, очень хотели, чтоб у нас была маленькая собачка, такая как

у соседа с третьего этажа. Но так как им скоро предстояло пойти в первый класс, и могли бы в связи с этим возникнуть определённые сложности я посчитал, что лучше всего найти для них что-то или кого-то, не требующего особого ухода. Сосед, хозяин собачки, дочь которого тоже должна была стать первоклассницей, настойчиво убеждал меня не заводить дома четвероногого друга: - «Дочка уговорила нас взять собаку. Мы пошли ей навстречу и могу сказать, очень любим свою Злату, но сколько с ней хлопот! И главное, заниматься с собачкой приходится мне, а дочка только иногда играет с ней! Не вздумайте..» - я остановил его, уверив что не собираюсь делать этого. Так же как и заводить попугая, канарейку или аквариум с разноцветными рыбками, поскольку это мало что давало бы детям для ознакомления с миром животных. Я решил предоставить им возможность самим сделать выбор. Мы отправились в зоомагазин. Из всего, что там увидели нам понравились хомяки, особенно

один, светло-кофейного цвета. Продавец без особых хлопот подхватил его, положил в картонную коробку с отверстиями для воздуха, и, передавая нам сказал, что это самка. Знать какого пола хомячок было нужно, чтоб дать соответствующее имя - мужское или женское. Мы купили так же просторную клетку, а по дороге домой придумали имя для нашей самочки: Белка. Дома девочки уселись на диван, положили между собой коробку и стали осторожно её открывать. Я был рядом, «наготове». Однако, ничего неожиданного не произошло. Как только убрали крышку, Белка выбралась из коробки, не проявляя беспокойства. Посмотрела по сторонам, перебралась на колени к Карине и самым забавным образом стала, словно умываясь, передними лапками разглаживать свои «щёчки»! Потом мы поняли, что такие, часто повторяющиеся действия, есть заложенный природой ритуал. Наша Белка оказалась удивительно общительным зверьком. Дочки гладили её,

передавали из рук в руки, она не только не пыталась убежать, а, наоборот, явно была довольна, особенно если ей почёсывали животик! Её опустили на пол и тут Белка удивила нас, она не спеша обошла – не побежала! – все уголки, залезла под диван, не долго там побыла, спокойно позволила Нелли взять себя на руки. Получилось так, что можно было бы обойтись без клетки! Но всё же Белке нужен был уютный уголок, собственный дом! Сначала, однако, надо было её покормить. В зоомагазине продавалась специальная еда для птиц, черепах, рыб, хомяков... Мы решили обойтись своей. Карина принесла хлебную корочку и дала Белке, та не стала есть, а быстро запихала её в рот, в имеющиеся у хомяков, как и морских свинок, защёчные мешочки, где они могут не долго хранить пищу. Со вторым, третьим куском она поступила так же. У неё раздулась голова! Но последний кусочек, поднесённый Кариной она, взяв лапками, быстро съела. Я,

тем временем, принялся за клетку. Положил в неё уже не нужный детский валенок, не глубокую чашечку. Мелко нарезал морковь, и разбросал в клетке. Благоустроенный домик был готов. Поставил клетку на пол и Нелли осторожно положила туда Белку. Мы с понятным интересом стали смотреть, как она себя поведёт. Белка короткое время осматривалась, потом забралась в валенок, там повозилась, мы подумали, «выгружая» кусочки хлеба. Потом выглянула из него, увидев морковь, быстро вылезла, заполнила рот теперь уже кусочками этого овоща, снова полезла в валенок, где их оставила, и так же поступила со следующими порциями. Она запасалась морковью! Весь день, следя за Белкой, увидев, что она вполне освоилась на новом для неё месте и не пытается убежать от нас, мы решили дать ей полную свободу и не стали закрывать дверцу клетки. Дочки поспешно убрали всё что лежало на полу, чтоб Белка не забралась куда не следует. Было забавно смотреть, как она с явным

интересом изучала территорию, на которой ей предстояло жить. В еде она оказалась неприхотливой, ела всё, что давали, а лишнее прятала в валенке. Я следил за этим и время от времени, незаметно для Белки, «очищал» его от чрезмерных запасов, вытряхивая содержимое в мусорную корзину. Не было заметно, чтоб это её беспокоило. Нелли с Кариной поочерёдно подкармливали Белку, голод ей не грозил. В первый же вечер у неё вовремя сработали «биологические часы» - она забралась в валенок где и провела ночь. Сосед, хозяин маленькой собачки, узнав что мы завели хомяка, который доставляет дочкам удовольствие, не требуя особой заботы, и вполне заменяет собаку, вздохнув пожалел, что в свое время упустил такую возможность. Карина и Нелли постепенно привыкли, к Белке и уже не так часто занимались ею. А когда начались занятия в школе им стало совсем не до этого. И мне, как и произошло с соседом, заботу о Белке пришлось взять на себя! Конечно это не было

мне в тягость. С удовольствием я возился с ней. Удивительно, у этого маленького существа, как и у попугая Чижики, были некоторые, чисто собачьи качества! Кладя еду в клетку, если Белки там не было, я подавал «сигнал», не громко посвистывая. Тот час она появлялась, из под дивана или кресла и спешила ко мне. Теперь Нелли и Карина понимали, что в нашей небольшой компании главный - я! Это не вызывало у них ревности. Вечерами, когда они укладывались спать, а мне приходилось заниматься за столом своими «литературными» делами, Белка забиралась по ноге ко мне на колени. Я пересаживал её на плечо. И до глубокой ночи, она не двигаясь сидела там словно маленький пушистый шарик. Однажды, после поездки по своим делам, придя домой я увидел расстроенные лица, дочерей. - «Папа – сказала Карина – Белка пропала». Не удивительно, что и я встревожился. Она так и не появилась, не смотря на мое призывное

посвистывание. Прошел день, мы свыклись с тем, что больше Белку не увидим. Вечером, не слишком весёлые, мы ужинали на кухне. Вдруг, люстра над нами, качнулась! Не было ни землетрясения, ни стихийного бедствия.. Я поднялся и увидел в небольшом отверстии в потолке, предназначенном для проводов к светильникам, розовый носик Белки! Она каким-то образом оказалась в межпотолочном пространстве и теперь теребила провод! В ванной комнате, в свое время, выпилив часть гипсобетонной стенки и потолка я устроил не большой шкаф. Я мог бы через него попытаться «связаться» с Белкой. Пришлось выгрузить из шкафа всё что там было. Протиснувшись в освободившееся место, я протянул руку с раскрытой ладонью вверх и стал посвистывать. И через короткое время в вырезе потолка появилась Белка! Она исполнила свой ритуал умывания и прыгнула мне на ладонь! Взволнованные, сияющие Нелли и Карина, стоящие тут же

протянули к нам с Белкой руки. В комнате, втроём усевшись на диван, мы долго ласкали её, передавая с рук на руки. А когда опустили на пол она прямо-таки побежала к себе, в валенок! Для меня, для Карины и Нелли, убеждён, и для Белки, это был самый радостный день!

ШАЙКУ БАСУКОЛ

Мама Платона в детстве, в 6-7 лет, особенно не хорошо вела себя во время завтрака. Как бы не уговаривала её бабушка съесть бутерброд с колбасой или сыром, она упрямо отказывалась кушать и даже была готова весь день оставаться голодной. Видя, как бабушка переживает из-за этого я сказал: – «Ты, по моему не умеешь кормить ребёнка». Конечно, мои слова возмутили её, но я миролюбиво сказал: - «Вот, смотри как поступать в такой ситуации» - и предложил Тане: - «Я назову тебе два слова, если ты отгадаешь, что они значат, можешь не есть,

что бы тебе не давала бабушка, а если не отгадаешь – придётся поесть, согласна?». Таня не много подумала, потом твёрдо сказала: - «Согласна». Бабушка с недовольным видом сидела рядом. – «Ну слушай: что такое ШАЙКУ БАСУКОЛ, не торопись, хорошенько подумай». Таня, нахмутив лобик, долго соображала, потом не очень весело сказала: - «Не знаю». Как условились, я дал ей бутерброд с колбасой, она его съела и посмотрела на меня: - «Что эти за слова?». Но поскольку, у нас была договорённость, я предложил ей еще раз подумать. И опять Таня не отгадала: - «Не знаю». Пришлось съесть второй бутерброд. Я решил не продолжать дальше (всё же Таня не плохо покушала) и открыл секрет: - «Эти два слова, если переставить буквы, означают КУШАЙ КОЛБАСУ. Видишь – это я обратился к бабушке, которая сидела, поджав губы – к кормлению ребёнка надо подходить творчески!».